

свое благосклонное вниманіе? Рѣшительно ни на комъ: всѣ они—и социалисты, и народники, славянофилы, и западники, поскольку каждый изъ нихъ, опираясь на свои теоріи, старается защитить тотъ или иной социальный порядокъ: государство, культуру, религію, церковь,—всю они, по мнѣнію Т—го, стоятъ сознательно или безсознательно за насилие, всѣ хотятъ властвовать другъ надъ другомъ, ибо все это—и культура, и церковь—чистѣйшій самообманъ, совершенно ложный путь жизни, это, пожалуй, выдумка ловкихъ людей для своей выгоды...

Такимъ образомъ, Толстой, отвергнувъ всю исторію жизни человѣчества, какъ какой-то сплошной миражъ, хочетъ выдумать для него свою исторію дѣйствительной разумной жизни; онъ, какъ замѣчаетъ одинъ критикъ Т—го: „хочетъ рѣшительно до всего доходить самъ. Все готовое ему претить хуже, чѣмъ разогрѣтое блюдо. Ему нужна своя религія, своя политическая экономія („что такое деньги?“), своя нравственность, своя жизнь, своя культура“... ¹⁾ Гдѣ же, спрашивается, у него примирительныя начала съ мыслящими людьми разнообразныхъ, но честныхъ убѣжденій, изъ которыхъ для многихъ то, что отрицаетъ Т—й, была сама разумная дѣйствительная жизнь?

— Толстой, повидимому, самъ себѣ законъ, сказалъ, приподнимаясь на локотки маленькій субъектъ и вопросительно посмотрѣлъ на Ник. Влад. Это видно изъ того, что онъ обходитъ самые законы жизни.

— Ничего этого не видать, пока вы не объясните, о какихъ законахъ думаете, въ свою очередь зашумѣлъ Николай Владиміровичъ, демонстративно оставляя свое предсѣдательское мѣсто, подъ предлогомъ достать какую-то книгу съ полки.

— Я надѣюсь, что для большинства изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, законы эти извѣстны и не требуютъ особыхъ поясненій съ моей стороны, сказалъ молодой человѣкъ и вспыхнулъ. Впрочемъ, я готовъ для большей определенности разяснить свою мысль. Законы, о которыхъ я думаю, раздѣляются на два вида, или на двѣ категоріи.

Поскольку человѣкъ существо живое, „онъ подчиненъ всѣмъ законамъ животнаго существованія, которые от-

¹⁾ Журн. «Жизнь» 1900 г. февр.